

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

© Л.М. СИМОНОВА

Тюменский государственный университет
lsim@utmn.ru

УДК 339.92

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС И ДЕЛОВАЯ КОРРУПЦИЯ В РОССИИ

INTERNATIONAL BUSINESS AND BUSINESS CORRUPTION IN RUSSIA

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению коррупции как особого вида социально-экономических отношений. Предпринят анализ широкого распространения практики коррупции в международном предпринимательстве, при этом особый акцент делается на исследовании феномена деловой коррупции в России, ее специфических чертах и причинах распространения. Подчеркивается доминирующая роль внутрикорпоративной коррупции по сравнению с внешними ее разновидностями в России. Анализируются наиболее успешные антикоррупционные стратегии в контексте взаимоотношений бизнеса с государством. Оценивается масштаб и степень экономического влияния деловой коррупции на международные деловые операции и возможности перехода России на инновационный путь развития.

SUMMARY. The article is devoted to research on corruption as a special kind of social economic relationship. The author made an analysis of business corruption expansion in international entrepreneurship and brought into focus a special place of the phenomenon of business corruption in Russia, its distinct characteristics and causes of the spread. The dominant role of domestic business corruption in comparison with its external types in Russia is given special emphasis in the article. The most successful anti-corruption business strategies within the context of business and government relations are analyzed. The article examines the scale and degree of economic impact of business corruption on international business activity in Russia and the country's ability to switch to innovative development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коррупция, институциональная система, инновационная система, деловая коррупция, кризис доверия, национальная безопасность

KEY WORDS. Corruption, institutional system, innovative system, business corruption, crisis of trust, national security.

Коррупция как мера нарушения существующих норм и правил поведения, мера внутренней неупорядоченности функционирования системы институтов имеет множественные формы проявления, всеохватный масштаб распространения и поистине транснациональный характер. Неслучайно еще в конце 1997 г. страны ОБСЕ подписали «Конвенцию о борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций». ООН учредила международный день борьбы с коррупцией (9 декабря).

Уровень коррупции в системе международных координат отражает ежегодно рассчитываемый и публикуемый международной организацией Transparency International (TI) рейтинг. В 2013 г. в соответствии с общепризнанным «индексом восприятия коррупции» (ИВК), в данном рейтинге Россия по коррумпированности заняла 127 место среди 177 стран, попав со значением индекса в 28 баллов в одну группу с Азербайджаном, Никарагуа, Мадагаскаром и Пакистаном. Странами с наименьшим индексом восприятия коррупции, а значит, минимальным влиянием коррупции на общество стали Новая Зеландия (91 балл) и страны Северной Европы — Дания (91), Финляндия (89) и Швеция (89), США — в первой «двадцатке» (значение индекса — 73), среди стран Восточной Европы и Центральной Азии лучшие показатели у Турции и Грузии (50 и 49) [1].

Понятно, что коррупция остается значимой проблемой не только в нашей стране, но и в странах Европейского Союза. Так, агентство «Евростат» (бюро статистики Евросоюза), подсчитало среднегодовые хозяйственные потери в 27 странах ЕС (западной, южной и восточной Европы) из-за годовой коррупции. Специалисты агентства оценивали такие виды коррупционных проявлений в Европе, как подкупы на тендерах, госконтрактах, коммерческие подкупы в крупном, среднем и малом бизнесе, лоббизм, nepотизм (компанействовкумовство, фаворитизм в бизнесе у менеджмента, политиков, депутатов, предпринимателей). Среднегодовые потери включенных в исследование стран ЕС от коррупции составляют 150 млрд евро. Для сравнения: это больше годового бюджета Российской Федерации, или половина бюджета США.

Добавим, что в ходе исследования «Евробарометр» в Европе проводился опрос граждан о масштабах коррупции. Исследование проводилось методом интервью во всех государствах-членах ЕС. Примерно 76% опрошенных частных лиц предполагают в своей стране широко распространенную коррупцию. При этом в Греции подобным образом высказались 99% респондентов, в Италии — 97%, в Литве, Испании и Чехии — 95%, в Хорватии — 94%. Больше половины граждан ЕС (56%) считают, что уровень коррупции в их стране вырос за последние три года. Лишь 23% опрошенных сочли, что власти их стран эффективны в борьбе с коррупцией [2].

По данным исследования «Евробарометр в России», проведенного Центром социологических исследований РАНХиГС под руководством Виктора Вахштайна [3], уровень коррупции у нас в 1,5-2 раза выше, чем в странах Европейского Союза. Одним словом, по свидетельству основателя ИКЕА Ингвара Кампрада, Россия в коррупционном отношении представляет собой «особый случай».

Среди множества разновидностей коррупционных отношений особого внимания заслуживает самый малоизученный, но при этом чрезвычайно актуаль-

ный для современной российской и зарубежной экономической науки и практики вид — *деловая коррупция* как особый вид взаимодействия бизнеса и власти, при котором обе стороны, нарушая законы, получают выгоду.

Наиболее громкие коррупционные скандалы последних лет были связаны именно с коррупцией в бизнес-сфере. В Германии они ассоциируются с крупнейшими немецкими транснациональными компаниями — «Сименс», «Фольксваген», «Даймлер». В частности, в 2007 г. власти Германии за доказанные взятки компании «Сименс» в Нигерии, России и Литве на общую сумму 12 млн евро наложили на фирму штраф в размере 201 млн долларов. В результате скандала компании «Сименс» пришлось уволить 130 руководителей различных подразделений, включая менеджеров высшего звена концерна.

В начале 2010 г. Министерство юстиции США предъявило немецкому автопроизводителю концерну «Даймлер» обвинение в даче взяток чиновникам в 22 странах мира на общую сумму 56 млн долларов для получения крупных государственных заказов.

Речь идет о нарушениях, совершенных немецким экспортным подразделением концерна «Даймлер Экспорт энд Файненс ГмбХ» и российским ЗАО «Мерседес-Бенц Рус» (до недавнего времени ЗАО «Даймлер Крайслер автомобили Рус») в таких странах как Россия, Китай, Таиланд, Греция, Ирак, Хорватия, Туркмения, Узбекистан и др. Как следствие, «Даймлер» выплатил штраф в размере 185 млн долларов.

В Швейцарии инициируется процесс о подкупе должностных лиц и отмычании денег, участниками которого станут бывший и действующий топ-менеджеры «Газпрома». «Дочка» концерна Siemens, компания Siemens Industrial Turbomachinery (SIT), в 2004-2006 гг., получая контракты на поставку турбин для газоперекачивающих станций газопровода Ямал-Европа, оплачивала консультации, в которых участвовали топ-менеджеры «Газпрома», переводя на их счета в кипрскую фирму Burlingame выплаты в размере от 2 до 2,7% от стоимости заключенных контрактов. Консультации рассматриваются как завуалированная форма взятки за оказание помощи в ведении бизнеса в России. И это случай далеко не единичный [4].

Экономической базой деловой коррупции и ее предпосылкой выступает культивируемая в России модель сырьевой экономики. Несмотря на декларируемую в настоящее время необходимость перехода от сырьевой модели экономики России к инновационной и усилению борьбы с коррупцией, эти масштабные проблемы не взаимоувязываются как на политическом уровне, так и в практике управления и хозяйствования. Однако именно устойчиво воспроизводящаяся система коррупционных отношений препятствует переходу России на инновационный путь развития. С чем это связано? Какие институциональные особенности современного общества порождают и воспроизводят коррупцию? Ключевым фактором развития и экономического роста в любой экономике являются экономические и политические институты — «правила игры», по которым взаимодействуют люди и организации. Межстрановые различия обусловлены в том числе и различием институциональных систем. В самом общем виде выделяют два типа институтов: институты изъятия доходов (extractive institutions) и институты широкого представительства (inclusive institutions) [5]. Применительно к российской экономике правомерно говорить об институциональных

основаниях первого типа, для которых характерна концентрация политической и экономической власти в руках узкой группы — элиты. Согласно исследованиям экономического роста и неравенства, проводимым Европейским университетом в Санкт-Петербурге [6], в ресурсозависимых экономиках, к числу которых, безусловно, относится и экономика России, права собственности на природные ресурсы со временем перераспределяются в пользу элиты, что ведет к более быстрому и резкому росту неравенства в обществе, по сравнению с экономиками, структура которых хорошо диверсифицирована. Этот теоретический вывод подтверждается недавним исследованием банка Credit Suisse, согласно которому [7] Россия лидирует в мире по показателям имущественного неравенства. Сейчас в нашей стране 110 граждан контролируют 35% всего национального богатства. Данная институциональная система позволяет элите перераспределять богатство в свою пользу и ограничивать влияние широких масс на проводимую политику.

Коррупция в нашей стране и является тем механизмом, который позволяет режиму обогащаться и присваивать ренту. В этих условиях развитие образования и здравоохранения, а также обеспечение комфортных условий для реализации человеческого потенциала не являются для него приоритетными. Кроме того, в экономике с высокой коррупцией наблюдается более интенсивное лоббирование в отношении коррупционнотемких статей бюджета и относительно меньший при прочих равных условиях уровень затрат на образование и здравоохранение. Межстрановые исследования (Поль Мауро, 1998) Международного валютного фонда подтверждают эту гипотезу.

Сравнение бюджетов более чем 100 стран мира показало, что при равном уровне экономического развития государственные затраты на образование (в процентах от ВВП) ниже в той стране, где более высока коррупция и ниже качество государственных институтов. Эта разница существенна: продвижение страны из конца в первую половину коррупционного рейтинга может увеличить расходы на образование на 1-1,5% от ВВП [8].

Проведенное Vito Tanzi исследование по 53 странам доказывает наличие положительной статистически значимой зависимости между уровнем коррупции в стране и отношением числа студентов, получающих юридическое образование, к числу студентов с инженерным образованием, иначе говоря, большая доля юристов является индикатором привлекательности рендоориентированного поведения [9].

Воспроизводят коррупцию и неэффективные системы контроля над бюрократией и распределением ренты, в этом смысле правомерно говорить об институциональной коррупции. Еще одна причина связана с тем, что зачастую авторитарные режимы сознательно идут на ограничение роста человеческого капитала для того, чтобы предотвратить возникновение запроса на институциональные преобразования ради сохранения статус-кво. Таким образом, коррупция принимает системный и сетевой характер.

Кратко резюмируем. Во-первых, сырьевая модель экономики обеспечивает государству извлечение доходов не столько в зависимости от деловой активности населения либо эффективности работы его государственного аппарата, сколько под воздействием не зависимых от них конъюнктурных факторов развития мировой экономики и сырьевых рынков. Эта фундаментальная причина

разрывает взаимообразную связь государства со своими гражданами, которое не ориентировано сохранять и приумножать человеческий капитал и порождает отчуждение граждан от государства, которые не стремятся влиять на власть. В этих условиях инновационный тип поведения не только не приветствуется, а является алогичным и иррациональным.

Так, практически ни у одной из 22 компаний с государственным участием, входящих в так называемый «первый список» («Газпром», «Роснефть» и т.п.), расходы на НИОКР не приближаются к среднемировому уровню. Коэффициент, определяющий соотношение инвестиций к тонне условного топлива, у «Газпрома» равен 0,29, у «Роснефти» — 0,06, в то время как у Shell — 5,67, у ExxonMobil — 3,2. При этом 69% расходов на НИОКР финансировались не самими компаниями, а оплачивались из госбюджета [10].

Кроме того, инновационная деятельность требует значительных инвестиций. В отсутствие доверия между обществом и государством держатели инвестиционных ресурсов заинтересованы только в быстром и безболезненном вывозе капитала, полученного от продажи ресурсов страны. Разумеется, даже наиболее инновационной части «олигархата» еще далеко до действительно передовых западных компаний — как по объему финансирования НИОКР, так и по эффективности «изысканий». Основная же часть крупного бизнеса понимает под «модернизацией» в основном закупки импортного оборудования и НИОКР на уровне адаптации готовых западных технологий к нашей суровой реальности. 22 крупнейшие российские компании за 2010 год получили около тысячи патентов в России — для сравнения, одна IBM в том же году запатентовала пять тысяч изобретений. При этом международных патентов ими было получено всего пять. Эффективность расходования средств на столь же низком уровне, как и абсолютные цифры инновационной активности: затратив на НИОКР 22% от общей суммы выделенных на них в российской экономике средств, компании с госучастием получили лишь 4% от общего числа выданных в РФ патентов [10]. Иными словами, «госкорпоративный» сектор демонстрирует крайне низкую инновационную результативность и отличается от частного бизнеса впятеро меньшей эффективностью расходов. Одна из причин неэффективности затрат на НИОКР в государственных компаниях — все та же коррупция.

Наиболее результативными с точки зрения успешности бизнеса являются для российских компаний следующие коррупционные стратегии: коррупционное взаимодействие с властью и захват бизнеса представителями власти (или с их помощью) с целью получения ренты.

Таким образом, коррупция оказывает неблагоприятное воздействие как на инвестиционную, так и инновационную активность предпринимательства, содействует рентоориентированному поведению и приводит к значительным общественным потерям.

Более того, сама борьба с коррупцией ведется в рамках существующей управленческой системы присущими ей административно-бюрократическими методами, при сохранении чрезмерного госрегулирования и взаимопротиворечащих друг другу регламентов и инструкций. В результате усиление борьбы с коррупцией привело к парадоксальному результату: параллельному снижению предпринимательской инициативы и деловой активности: «просто то, как с коррупцией борются, бьет не только по ней, но убивает и любую активность» [11].

По мнению Л. Гудкова, директора «Левада-Центра», коррупция — неизбежное следствие пресловутой «вертикали власти», концентрации всех ресурсов в руках узкой группы чиновников. И это доказывают многочисленные исследования последних лет: неслучайно «объемы коррупции растут прямо пропорционально централизации управления». Деловая коррупция в России стала главным и динамично растущим сектором экономики, обогнав в два раза по уровню доходности показатели выручки, получаемые от продажи нефти и газа, что дало основания авторитетным экспертам, профессору НИУ-ВШЭ М. Левину и президенту фонда «ИНДЕМ» Г. Сатарову назвать ее «основной отраслью российской экономики» [12; 21].

Коррупция выступает и как существенное препятствие для ведения международного бизнеса в России. На данное обстоятельство указывают практически все топ-менеджеры иностранных компаний в России. Указанный факт подтверждает совместное исследование Национального совета по корпоративному управлению и Российско-британской торговой палаты, проведенное в России [13]. Согласно полученным результатам, разительное отличие деловой культуры Запада от российской зарубежным бизнесменам и экспертам видится в «открытости, честности и транспарентности ведения бизнеса». Так, один из респондентов отметил: «Большой бизнес в России основывается на власти, политических связях и коррупции. Деловая этика присутствует только в той мере, в какой она способствует продвижению бизнес-интересов». Эксперты отмечали огромное влияние государства и чиновников, которые руководствуются «неясными целями и мотивами», также подчеркивалось, что «влияние на ведение бизнеса со стороны властей — прежде всего налоговых и контрольных служб, органов по лицензированию — за последнее время существенно выросло». Особое недовольство вызывает «волокита» и «высокий уровень коррупции». Кроме того, иностранные респонденты оценили нынешнее состояние российской правовой и регулятивной среды применительно к бизнесу на посредственном уровне. Один из экспертов сформулировал эту проблему в общем плане: «В российском бизнесе сильно выражен культ секретности, иногда на грани паранойи. Понятно, как это явление возникло — страх перед государством, страх перед конкурентами, слабая правовая и регуляторная среда и неопределенное правоприменение. Все это сильно мешает ведению конструктивного бизнеса».

По этой же шкале наиболее значимыми факторами для укрепления доверия к российским компаниям среди инвестиционного сообщества за рубежом оказались: высокий уровень транспарентности (в среднем 9 баллов), уверенность в правах собственности (8,3 балла), общее качество корпоративного управления и приверженность деловой этике (по 8,1 балла), стабильная регулятивная среда (7,9 баллов), то есть факторы, сущностные не только для укрепления доверия, но и для предотвращения коррупции [13]. Между тем на мировой арене деловая коррупция растет, как следует из результатов очередного глобального исследования компании Ernst & Young (E&Y) [14], в котором в 2013 г. приняли участие 1758 топ-менеджеров крупнейших компаний 43 государств мира.

Так, число тех, кто опасается столкнуться с необходимостью подкупа деньгами, практически сравнялось с российским уровнем — 15%, тогда как годом ранее о подобной схеме говорили лишь 9% респондентов. Число тех, кто жалуется на коррупционные подношения, в мире почти утроилось — с 6 до 16%,

на использование увеселений в качестве подкупа — выросло с 20 до 30%. В России же коррупционные риски за 2013 год заметно снизились, причем по многим параметрам стали даже ниже среднемирового уровня, что коррелирует с данными рейтинга по улучшению инвестиционного климата в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. URL: www.transparency.org
2. Как воруют в Европе? Агентство информационных сообщений. 2014. 16 июня. URL: www.vg-news.ru.
3. Степанцов П. Спрос на коррупцию сильнее спроса на борьбу с ней. 2013. 29 апреля. URL: www.vedomosti.ru.
4. Шлейнов Р. Кого из газпромовцев швейцарская прокуратура подозревает в получении взяток от Siemens? 2014. 29 сентября. URL: www.vedomosti.ru.
5. Acemoglu, D., Robinson, J. *Why Nations Fail*. Crown Publishing, 2012
6. Борисов К.Ю. Модели экономического роста и распределения с неоднородными по межвременным предпочтениям потребителями: дисс. ... д-ра экон. наук. СПб, 2006, 339 с.
7. Бувев М. Путь к патриархальному капитализму XIX века. 2014. 2 июня. URL: www.vedomosti.ru.
8. Захаров А. Коррупция — причина, а не следствие. 2012. 21 августа. URL: www.vedomosti.ru.
9. Tanzi, V., Davoodi, H.R. *Corruption, Growth and Public Finances*, IMF Working Paper, WP/00/182, 2000.
10. Пожидаев Е. Инноваторы и распил. 2011. 22 июля. URL: www.rosbalt.ru
11. Яковлев А. Борьба с коррупцией в России ударила по предпринимательской инициативе и деловой активности. 2014. 8 октября. URL: <http://adi19.ru/2014/10/08/borba-s-korruptsiej-v-rossii-udarila-po-predprinimatelskoj-initsiative-i-delovoj-aktivnosti/>
12. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4-29.
13. Леденева А., Шекшня С. Бизнес в России: неформальные практики и антикоррупционные стратегии. *Russie.Nei.Visions* № 58: IFRICентр Россия/ННГ, март 2011, 27 с.
14. Малыхин М. Ernst&Young отметила снижение коррупционных рисков в России. 2012. 29 мая. URL: www.vedomosti.ru

REFERENCES

1. URL: www.transparency.org
2. How do they steel in Europe? Information agency. 2014. July 16. URL: vg-news.ru. (in Russian).
3. Stepantsov, P. Corruption demand is stronger than the demand to combat it. 2013. April 29. (in Russian). URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/11651591/povsemesnost_vzyatok.
4. Shleinov, R. Which of Gasprom's officers do Swiss prosecutors suspect of receiving bribes from Siemens? 2014. September 29. (in Russian). URL: <http://www.vedomosti.ru/library/news/33978521/oni-ne-znali-trebovanij-gazproma>.
5. Acemoglu, D., Robinson, J. *Why Nations Fail*. Crown Publishing, 2012
6. Borisov, K.Yu. *Modeli ekonomicheskogo rosta i raspredeleniia s neodnorodnymi po mezhvremennym predpochteniiam potrebiteliami* (diss. dokt.) [Economic growth and distribution models with consumers, heterogeneous in time preferences (Dr. Sci. (Econ.) Diss.)]. St-Petersburg, 2006. 339 p. (in Russian).
7. Buev, M. The way to patriarchal capitalism of the 19th century. 2014. 2 June. (in Russian). URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/27226521/vozvrashchenie-viktorskoj-epohi>

8. Zakharov, A. Corruption is the cause and not the consequence. 2012. August 21. (in Russian). URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/3076411/korruptsiya__prichina__a__ne__sledstvie
9. Tanzi, V., Davoodi, H.R. Corruption, Growth and Public Finances, IMF Working Paper, WP/00/182, 2000.
10. Pozhidaev, E. "Innovators" and sharing out. 2011. July 22. (in Russian). URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2011/07/22/871814.html>.
11. Yakovlev, A. Fighting corruption in Russia hits the entrepreneurial initiative and business activity. 2014. October 8. (in Russian). URL: <http://adi19.ru/2014/10/08/borba-s-korruptsiej-v-rossii-udarila-po-predprinimatelskoj-initsiative-i-delovoj-aktivnosti/>
12. Levin, M., Satarov, G. Corruption in Russia: classification and dynamics. *Voprosy ekonomiki — Economic Issues*. 2012. № 10. Pp. 4-29. (in Russian).
13. Ledeneva, A., Shekshnia, S. (2011) Business in Russia: informal practices and anti-corruption strategies. *Russie.Nei.Visions*. 58: IFRICenter. Russia. (in Russian).
14. Malykhin, M. Ernst&Young fixed the reduction of corruption risks in Russia. 2012. May 29. (in Russian). URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/1794687/ey__korruptsiya__v__rossii__padaet.

Автор публикации

Симонова Людмила Михайловна — заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса Тюменского государственного университета, доктор экономических наук, профессор

Author of the publication

Lyudmila M. Simonova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of World Economy and Business, Tyumen State University